

УДК 800.872: 801.3 (571.16)
DOI 10.17223/19986645/30/3

Е.В. Иванцова

МИРОВИДЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ТРАДИЦИОННОЙ РУССКОЙ НАРОДНО-РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ¹

В статье ставится задача реконструкции доминантных черт восприятия окружающей действительности в традиционной народно-речевой культуре. Анализируются лексикон, спонтанная устная речь и метатексты сибирской крестьянки В.П. Вершининой. Выявлены такие особенности мировидения диалектоносителя, как антропоцентричность, приоритет личного опыта, опирающегося на сенсорные впечатления, по отношению к логическим умозаключениям, конкретность, образность и оценочность. Соотнесенность этих характеристик с наблюдениями и выводами диалектологов, изучающих русские говоры и речь отдельных говорящих, позволяет считать их типологическими для диалектной языковой личности.

Ключевые слова: языковая личность, народно-речевая культура, мировидение, лексикон, текст.

Несмотря на изменяющуюся языковую ситуацию и выдвижение в центр коммуникативной практики наших дней системы литературного языка, интерес исследователей к народно-речевой культуре по-прежнему не ослабевает. Актуальность ее изучения обусловлена значимостью данных традиционных диалектов не только для реконструкции ранних этапов развития языка, увлечения наследия прошлого как памятника духовной культуры, но и для постижения современного состояния языка. Сельчане составляют сейчас около 26% жителей России [1]; в речи большинства из них в той или иной степени сохраняются территориально ограниченные языковые особенности. Диалекты оказывают постоянное влияние на кодифицированную форму национального языка, способствуя формированию городских регионолектов. Культура устного общения в традиционных говорах заслуживает не меньшего внимания, чем элитарная речевая культура, являясь образцом богатства языковых ресурсов и выразительности спонтанной бытовой речи, коммуникативной гибкости и толерантности речевого поведения. Наконец, интерес к народно-речевой культуре обусловлен ее пониманием как первоосновы всех типов национальной речевой культуры, проявляющей наиболее значимые, базовые черты последней.

Исследования, выполненные на диалектном материале, органично вписываются в новую парадигму науки о языке – антропоцентрическую, функционально-дискурсивную, междисциплинарную. В изысканиях диалектологов в качестве самостоятельных аспектов анализа выделяются коммуникативный, лингвокультурологический, когнитивный [2, 3].

В связи с развитием этих новых направлений диалектология все чаще обращается к выявлению особенностей мышления, системы ориентаций и цен-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-14-70006 а/р «Развитие источниковой базы изучения народно-речевой культуры русских старожилов Среднего Приобья».

ностей, отраженной в речевой практике носителей говоров (В.Е. Гольдин, О.Ю. Крючкова, С.Е. Никитина, С.Р. Омельченко, Е.В. Брысина, Е.И. Сянова и др.). В томской диалектологической школе эти проблемы также находятся в центре научного поиска. В качестве объекта исследования выступают как русские старожильческие говоры среднеобского бассейна в целом (О.И. Блинова, А.Н. Ростова, Т.А. Демешкина, Г.В. Калиткина, Т.Б. Банкова, И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер, Р.Н. Порядина и др.), так и диалектная языковая личность типичного носителя этой группы говоров – В.П. Вершининой, 1909 г. рождения, жительницы села Вершинино Томской области. Лингвоперсонологические наблюдения над ментальными особенностями диалектоносителя ведутся при описании его лексикона, концептосферы, общих закономерностей текстопорождения и прецедентных высказываний, жанровой системы идиолекта, сравнений и метафор – наиболее частотных выразительных средств в дискурсе В.П. Вершининой, метаязыковой рефлексии индивида (Е.В. Иванцова, Л.Г. Гынгазова, Т.А. Демешкина, Т.Ф. Волкова, С.С. Кузнецова, А.В. Маслова и др.).

В статье представлена попытка выделения доминантных черт мировидения диалектной языковой личности через анализ идиолексикона, спонтанных текстов и метатекстов сибирской крестьянки. Мировидение рассматривается как совокупность установок социума и входящих в него индивидов, определяющая закономерности восприятия окружающей действительности. Эти установки в большей степени бессознательны, однако тесно связаны с выходящими в «светлое поле» сознания миропониманием и мировоззрением, являясь их основой. К доминантным были отнесены те ментальные особенности, которые находят языковое выражение во всех трех названных составляющих идиолекта.

Источниками для обобщений и выводов послужили:

- авторский архив текстов В.П. Вершининой, зафиксированных в течение 24 лет в условиях включения в языковое существование носителя говора (более 10 000 страниц дешифрованных записей с магнитной ленты);
- созданный на основе этого архива 4-томный «Полный словарь диалектной языковой личности» [4];
- опубликованные работы автора с привлечением данных, полученных другими исследователями как при изучении идиолекта В.П. Вершининой, так и при лингвоперсонологическом анализе других диалектных языковых личностей, а также речи носителей русских народных говоров в целом.

Исследование языковой личности русского старожилы Сибири позволило выявить следующие черты ее мировидения.

Идиолект носителя традиционного говора подтверждает конкретными фактами утвердившийся в современной лингвистике тезис об **антропоцентричности** мировидения носителя языка. Состав лексикона и его идеографическое устройство показывают, что «во всем многообразии окружающего мира человека интересует прежде всего он сам»; разрыв между сферой «Человек» и другими сферами («Живая и неживая природа», «Абстрактные понятия») достаточно велик [5. С. 249].

«Антропоцентрический фокус» характерен и для системы образных средств народно-речевой культуры. Об этом свидетельствует исследование

метафорического слоя лексики, образной фразеологии и компаративных оборотов в идиолекте В.П. Вершининой [5–9]. Образное отражение находят физические и психические характеристики человека (*грабли* ‘о больших кистях рук’, *как ухватиком* ‘о кривых ногах’, *разбухнуть* ‘растолстеть’, *как коробка* ‘о толстой женщине’, *гнилой* ‘имеющий слабое здоровье’, *душа вылётыват* ‘о чувстве сильной радости’, *как из-за угла мешком напугана* ‘о человеке со странностями, психическими отклонениями’, *доржа'ть козыря* ‘быть о себе высокого мнения’), особенности его действий и поведения (*охотиться* ‘проявлять интерес, внимание к женщине’, *княгиня* ‘капризная женщина’, *лаять* ‘бранить’, *как мельница молола* ‘о постоянно, много трудившемся человеке’, *переброситься словами* ‘поспорить’, *сбиться с панталы'ги* ‘начать вести себя предосудительно’), статусные признаки и номинации отношений в социуме (*борона* ‘большая семья’, *попасть в кучу золота* ‘оказаться в очень хороших условиях жизни’, *как кары'м* ‘о важном, значительном лице’, *как больша' родня* ‘о людях, с которыми связан близкими длительными отношениями’, *как ня'то колесо в телеге* ‘о чужом, никому не нужном человеке’).

Одним из частных случаев антропоцентрического восприятия действительности является его *телесность*, выделенная Л.Г. Гынгазовой при изучении образных оснований концептосферы диалектной языковой личности [8]. Телесность мировидения проявляется в широком использовании образных единиц с соматическим компонентом, репрезентирующих ключевые концепты народной культуры. Подобные номинации охватывают все области действительности: разнообразные наименования человека, его свойств, состояний и действий (*язык подвязанный* ‘о болтливом человеке’, *глаза на лоб* ‘о крайнем удивлении, изумлении’, *море по колено* ‘ничто не волнует’, *кулаки подса'вывать* ‘бить, избивать кого-л.’, *с зубов кожу обдирать* ‘отбирать последнее’, *нос пихать* ‘вмешиваться не в свое дело’), натурфактов (*кудрявый* ‘пышно растущий, с богатой листвой’, *как кулаки* ‘о крупных кистях проса’, *голова* ‘крупный округлый корень некоторых овощей’), артефактов (*бровка* ‘возвышенный край дороги’, *льнуть* ‘прилипать после покраски’, *пу'пом* ‘о выпуклости в центре какой-л. поверхности’, *задница* ‘нижняя утолщенная часть предмета’, *пальцы* ‘деталь сенокосилки или приспособление к косе’) и абстрактных категорий времени, пространства и количества (*над головой* ‘о близком наступлении чего-л.’, *под руками* ‘в непосредственной близости’, *за глаз* ‘с избытком, вполне достаточно’, *слезинка* ‘об очень малом количестве жидкости’).

Тематическая организация дискурса информанта также свидетельствует о коммуникативном антропоцентризме. Спонтанные тексты сосредоточены преимущественно на теме «человек», а воплощается она чаще всего через личное восприятие событий собственной жизни или жизни других людей¹. В.Е. Гольдин пишет о том, что «...диалектное повествование почти никогда не отвлекается от субъектов ситуации-события, не элиминирует их, не отодвигает на второй план. <...> ...Действия, состояния, оценки участников ситуаций и их высказывания не уходят на периферию, а, на-

¹ Типичные примеры антропоцентрической спонтанной речи жителей села Вершинино представлены в сборнике текстов «Живая речь русских старожилов Сибири» [10].

против, образуют тематический центр. <...> Таким образом, диалектный дискурс антропоцентричен в самом прямом смысле этого слова» [11. С. 5].

Метатекстовые фрагменты дискурса наиболее ярко демонстрируют сосредоточенность говорящего на таком объекте, как человек, поскольку все они отражают рефлексии диалектоносителя над собственной речевой деятельностью и речью окружающих (см. подробнее [12]).

Тесно связана с предыдущей чертой такая ментальная особенность, как *приоритет опирающегося на сенсорное восприятие личного опыта* в познании действительности. О ее особой значимости для носителя народно-речевой культуры свидетельствует лексико-семантическое поле чувственного восприятия, включающее номинации зрения, слуха, вкуса, обоняния и осязания – обширное, разветвленное, переплетающееся с неперцептивными номинациями идиолексикона. При исследовании С.С. Кузнецовой этого макрополя в лексиконе В.П. Вершининой выявлено, что в него входит свыше 900 единиц. Наряду с лексическими отмечены и другие разнообразные средства выражения семантики чувственного восприятия: фразеологизмы, свободные компаративные обороты, повторы и др. Анализируя ядерные глаголы со значением процессов восприятия, автор сделал важные наблюдения над связями глаголов *видеть* и *знать*: как знакомое, известное диалектоноситель осознает прежде всего виденное, и наоборот: не освоенное через эмпирический, в особенности зрительный, опыт соотносится с отсутствием знаний: *Ну, я знаю, что она, я её видала, она хоро'ша женщины; ...Купили они – рубаху купили, восемь тысяч дали – не знаю каку', не видала рубаху; Ф.Г. Коров не гоняли, не видала? В.П. Я не знаю, не видала*. Показательным является и зафиксированное у глагола *знать* значение «воспринимать органами чувств»: *Она же [слепая] не знает, бе'дна, ни день, ни ночь*. Отмечено также, что источником достоверной информации для диалектной языковой личности чаще всего являются собственные наблюдения, основанные на личном участии в ситуации и непосредственном восприятии [13].

Образные единицы в лексиконе и текстах языковой личности отличаются тем, что в них «"опредмечивание" ментальных объектов осуществляется через зрительные, тактильные, звуковые, т.е. первичные, самые простые ассоциации, не требующие "вдумывания" в образ» [14. С. 105]. Множество примеров тому дают метафоры, сравнения, случаи гиперболы и литоты, фразеологизмы: *Да кака' там капуста? Каки'-то десять кулачо'чков вот таки' вот, как у меня; Татьяна Васильевна ро'стит, карто'ики вырастит с бычьёю годову; Она не чёрна, мука эта, ну и не бе'ла. У Гути, говорю – от есь снег белый! Прям ши'бка бе'ла; Ой! Ногу дёрнуло!; Валя сама грубовата, я посмотрю на её, дак она тоже, сидит да чё-нибудь рявкнет!; На лошади не увезём – столько будем писать; Вся в воде лежу, прямо споте'ла без ума; А вытащила бутылку – он один её допил. Вот так осталось мале'нько, я думаю: хоть Кольке оставить... а он всё равно пришёл, опе'ть допил. Ой, только бутылки свистят!*

Эмпирическая основа мировидения диалектоносителя отражается и некоторых особенностях спонтанного текстопорождения. Представителем традиционной народно-речевой культуры утверждается только то, что достоверно

известно из личного опыта. Поскольку этот опыт имеет определенные границы, а одной из установок говорящего является максимальная достоверность повествования, в речи высокочастотна обширная группа показателей неуверенности. В их число входят модально-вводные слова, выражающие предположительность суждения, сомнение в соответствии чьих-л. утверждений действительности (*кажется, может, может быть, наверно...*); частицы и союзы, передающие оттенки неточности сказанного, а также множество слов и словосочетаний, ситуативно выполняющих эту функцию (*не знаю, то'ко слыхала так, правда ли неправда и т.п.*): *Не они строили [дом], наверно, ли они ли там строили, не знаю. Мо'жеть, отец и'хний; Пе'рво сватал меня из чужой деревни, мина'евский был. <...> А это... может быть, чё'рт его знает, он, может быть, совсем там какой неавторитетный был какой-нибудь, может? Не знаю; [А первое выкрашенное на Пасху яйцо не хранили?] Было. Вот его поставят, на божни'чку положат – лежит. Год лежит. По-ди, всё прокиснет там, засохнет... кого там! Я не оставля'ла, не знаю; И е'то, может, неправда. Что Люда-то да'йче сказала. Что ши'бко статья [предъявляемая задержанному] стро'га. Большая'. Не знаю. Мо'жеть, неправда. Ли правда, мо'же быть. Текст обычно сочетает все три типа показателей персуазивности.*

Обращает на себя внимание характер рефлексии диалектной языковой личности по поводу явлений, которые могут быть осмыслены только на основе книжных знаний или логических умозаключений. Интересны в этом отношении высказывания сибирской крестьянки относительно мифологических представлений. Усвоенные в традиционной культуре христианские и языческие мифологемы, связанные с образами загробного мира, куда попадает человек после смерти, и домовых, которые могут принести вред домашним животным, в зрелом возрасте подвергаются рациональному переосмыслению: *Была Анфи'за Ива'нна здесь учительница – она ши'бко регио'зна была. <...> Ну она говорит: «Я книгу читаю. Кто умрёт, и там така' же жись, та'мо-ка... кто умрёт кто, та'мо-ка прям живут как и на е'тим свете, и на тем свете так же живут... Который грешный, дак от в аду кипит, а хто не грешный ши'бко – хорошо живёт там в раю». А я говорю: «Анфи'за Ива'нна!» Я говорю: «А хто оттэ'дова пришёл-то? Кто рассказал-то чё? Нихто' же не пришёл оттэ'дова, нихто' не рассказал»; Но'нче кто-то говорил, Физа наша говорила: «Корова, гыт, прямо... у кого там, у соседей – вся, гыт, мо'кра, да худа', гыт, така'... Наверно не ко двору, гыт. Наверно, не любит это, сусе'д». А кто видел его? Возникшие сомнения в истинности таких представлений аргументируются информантом отсутствием конкретно-чувственного познания этих сущностей реальными субъектами: с того света «никто не пришел и не рассказал», а домового «никто не видел».*

Ту же закономерность обнаруживают и метатексты, отражающие осознание мотивационных связей лексических единиц. Мотивировочный признак имени уверенно называется только тогда, когда говорящему лично знакомы внеязыковые обстоятельства появления имени (обычно это касается прозвищ жителей родного села): *Толстый был. Принесли в садик, в ясли, они: «Вот мясо дак мясо!» И так «Мясо» и «Мясо», так и прозвали «Мясо». Толька Мясо. В остальных случаях ответы на вопрос «Почему это так называется?» со-*

держат либо разнообразные маркеры гипотетичности, либо отказ от мотивировки слов с прозрачной внутренней формой: *Чашки деревянны были: в их суп наливали, и так. «Кита'йки» их звали. [Почему?] Ну, наверно, китайцы с их ели ли чё ли; Лайка – это собачка, лайка. Почему зовут, я не знаю. Така' порода; Назовут [прозвищем] да и всё. Прозвали и прозвали. «Агроном» прозвищез было.*

Характеристики текстов и метатекстов В.П. Вершининой сопоставимы с выявленным диалектологами принципом приоритетности эмпирико-событийного, процедурного знания по отношению к декларативному в диалектной коммуникации [15].

Таким образом, в качестве истинного диалектоносителем воспринимается только то, что было увидено, услышано, пережито; логически выведенное из неких предпосылок или абстрактно-предположительное подвергается сомнению как бездоказательное.

Преимущественная опора на личный чувственный опыт обуславливает такую ментальную особенность диалектной языковой личности, как **конкретность восприятия действительности**.

Конкретность мировидения отражается в асимметрии конкретной и абстрактной лексики, номинаций физических и психических характеристик человека в диалектном идиолексиконе. В материалах к создаваемому идеографическому словарю языковой личности В.П. Вершининой сфера физических действий и состояний представлена объемными семантическими полями с большой степенью детализации. Среди наиболее обширных – поле «тело», макрополя «физические потребности человека» (с частными полями «одеваться», «спать», «отдыхать» и др.; центральным среди них является «еда») и «болезнь». В то же время обозначения психической сферы человека, скрытые от непосредственного наблюдения и менее доступные для аналитической деятельности рядового носителя языка, гораздо малочисленнее. Семантические поля в этой области разнообразны, но невелики по объему; самыми крупными из них являются «мышление» и «память».

Конкретный характер мировидения отражен и в составе образных средств идиолекта. Первенство среди них принадлежит сравнениям, большинство которых построено на сопоставлении конкретного с конкретным: *А он насадил [лопату], че'рень хороший-прехороший, её наточил, как бри'товку, принёс, и как в магазине... в магазине такой не будет; Да морковь только [в]зошла, вилочкой была; Печка как игрушечка была в бане, у меня Николай склал: то ни'зенька, хоро'ша!; А я всё помина'ю Ивана Лекса'ндрыча: плас [сена] положит – как прилепит. Да удалый, проворный!; А Фа'тя-то эта постира'т, дак как ворон пролетел, крылом задел – чёрно бельё-то. Грязнуля.* Частотность метафор в речи существенно ниже, что можно объяснить большей абстрактностью метафоры как тропа и большей по сравнению с компаративными оборотами долей абстрактных объектов метафоризации.

Анализ содержательной стороны спонтанных текстов показал, что для крестьянки нехарактерны рассуждения на общие темы морали, политики, культуры и т.п. История страны и идеология государства, ценности и нормы общества осмысливаются через истории жизни и поступки лиц, входящих в круг ближнего общения языковой личности – родственников, односельчан,

знакомых. Повествование изобилует подробностями: именами реальных людей, передачей их высказываний, указанием на время и место действия, количественными характеристиками предметов, действий, явлений и т.п.: *Были кто где [когда началась война]: косили, сило'с закладывали. Это же двадцать второго июня. Мне кажется, что мы на работе все были. Приезжа'т к нам бригадир. Бригадир подъезжа'т к нам, и говорит: «Ну, ребята, плохо' дело». А сельсовет был вот тут, напротив Моти, Вяткиных дом, красиво обшитый, – вот где сельсовет был. «Вот так и так, война началась». Кто заплакал, кто чё. Ну, поехали. А вечер уж был, домой поехали. А наза'втре повестки за пове'сткими, повестки за пове'сткими... Вот Степана третьего июля взяли. Пе'рво не было повестки, вот Мотиного мужа – вместе их взяли. Всех вместе проводили. Только не попали они вместе, в другу' сторону, попали они как к Чёрному морю попали где-то.*

Обращает на себя внимание корректировка речевого замысла говорящего через распространение гиперонимов гипонимами: *А у это, у Татьяна'не Фалале'евой-то, Танька така', девочка – ну ей пять лет, наверно, шестой, однако... ли пятый ли? Год. Пять, наверно. Залезла на дерево на како'-то там – на чё она залезла? На берёзу ли чё ли? Да упала оттэ'дова, да руку изломала, да с отколом; Срубят это дерево. Берёзу там срубят или тали'ну; А отец-то поедет, целый мешок рыбы привезёт – налима, муксу'на, там это, не'льмины вся'ки, стерлядь привезёт.*

Метаязыковая рефлексия диалектоносителя отражает ту же тенденцию. Объектом осмысления являются не общие представления о языке, речи и слове, а отдельные языковые единицы и их употребление в коллективе носителей родного для информанта говора или в речи известных ему людей: *Те-перь-то зовут тяткой всё, а раньше мотыгой; А потом шла [односельчанка], ни'мо меня идёт: «Коня ставила, а он хра'пат». «Ржёт» надо сказать, а она «хра'пат»; Вот у нас Петров день будет – «ураза' [гуляние] скоро будет», говорят. Метатекустовые высказывания, посвященные языку как способности говорить и речи как способу словесного выражения мысли, единичны: *А вот чеча'с у Вали свёкор, он не может говорить, и язык: «Вот-вот-вот-вот...» – и всё; Вот вы но'нче сами говорили, что Мария Степа'нна – она совсем речь друга' [не диалектная].**

Яркой чертой мировидения диалектной языковой личности является то, что обобщенно можно назвать *образным восприятием мира*.

В составе лексикона сибирской крестьянки имеется множество номинаций, базирующихся на зрительных или слуховых образах (реже отражены впечатления других типов сенсорного восприятия): *рогулька* 'предмет, приспособление с разветвлением в виде рогов', *перо* 'шелуха лука', *залисе'ть* 'изменить цвет под воздействием огня, пожара', *куковать* 'надоедать просьбами', *гнуть* 'заставлять много работать'. Фразеологизмы тоже в большинстве своем носят образный характер: *хоть ведром подавай* 'о человеке, неумеренно употребляющем спиртное', *как в воду упадёт* 'о том, что осталось без последствий', *аж деревня колетя* 'о громком, слаженном пении', *как по заднице серпом* 'о том, что неприятно уязвило кого-л.'. Через образные единицы часто номинируются психические состояния, этические и эстетические оценки, поведенческие качества человека, абстрактные ситуации, уподобляе-

мые физическим свойствам предметов, живых существ или природных явлений (*ломаться* 'упрямиться', *цвести* 'находиться в приподнятом настроении', *ветер* 'о несерьезном, безответственном человеке', *тёмный* 'невежественный, отсталый, некультурный', *воло'ся шишо'м* 'о состоянии крайнего удивления', *краше в гроб кладут* 'о человеке, имеющем очень болезненный вид', *не па'хнуть* 'оказываться, оцениваться значительно серьезнее, дороже, сильнее и т.п., чем названо первоначально'), представляемые в виде конкретной (обычно гиперболизируемой) ситуации (*не брать чужой крошки* 'жить честно', *из воды всё достанет* 'о бойком, энергичном человеке'), персонафицируемые (*холера затащила* 'о нежелательном появлении кого-л.', *чёрт пихнул* 'о нежелательном действии').

В дискурсе диалектоносителя широко представлены также другие образные средства – сравнение, гипербола, олицетворение и др. Особое место среди них занимают компаративы. Думается, что их ведущая роль среди всех тропов и фигур речи [5. С. 248], разнообразие и частотность (в «Идиолектном словаре сравнений сибирского старожила» зафиксировано 1700 сравнительных оборотов в 2599 контекстах [6]) обусловлены не только высоким уровнем конкретики, свойственным народной ментальности, но и столь же высокой степенью образного представления ситуации в целом. Если метафорический перенос чаще линейен, осуществляется на основе какого-то одного признака, то в компаративных употреблениях диалектоносителя высока доля высказываний, отражающих пропозитивное представление ситуации через многомерный, многогранный образ.

Приведем несколько типичных примеров: *А гроб большой, как корыто. От Коля де'лат [гробы] – ну не один Коля, а мно'ги делают: от так до'ски, например, а их вот так от, счёсывают суды', пониже, к ногам-то. <...> А тут как корыто так: ничё не обрезано, ничё... Колода ли (сравнение плохо сделанного гроба с корытом содержит такие сопоставляемые признаки, как форма, размер, высокие стенки, неизящность изделия); Сенокосилка – приде'лают каку'-то... как её называют... площадку – убирают, ко'сют. Тоже вдвоём косили на ей. Один лошадьёу управля'т, а другой хлеб подправля'т. Едет как на лодке (механизированная уборка сена и плавание на лодке сближаются на основе общего образа плавного перемещения в пространстве, дополняющегося впечатлением от сходных движений рук работников сенокосилки и гребцов; возможно, в сознании говорящего возникают также параллели между раздвигаемой носом лодки текущей водой и раздвигаемой косилкой высокой травой или злаками); Я всё говорю: как Катерина Фёдоровна... была старушка здесь одна... Она пришла к Василисе Кузьмовне да говорит: «Сёдня по ягоду ходила, да варенья сварила, да стира'лась. Вы'стиралась, да в город поехала». Ну, столько огурцов – может, ведро... Да и ягоды, может, стакан, да и стирки пять штук. От тебе и всё изде'лала в день. И пришла, ешо в гости пришла. Я чё-нить делаю так, я говорю, как Катерина Фёдоровна: «От это изде'лала, да от это изде'лала» (образ склонной к преувеличению фактов и хвастовству односельчанки создается на контрасте, в котором единичный факт из жизни, переданный как бы с ее слов, иронически соотносится рассказчицей с собственными, более реально оцениваемыми возможностями).*

На основании анализа идиолекта В.П. Вершининой Л.Г. Гынгазова делает вывод о том, что «...в речевом проявлении доля единиц вторичной номинации (собственно метафора, образная фразеология, сравнение, которое можно рассматривать как "предметафору") достаточно велика – даже без точных подсчетов очевидно, что она значительно превышает число аналогичных проявлений в речи усредненного представителя городской культуры» [8. С. 7–8].

В образных номинациях идиолекта имеет место как перенесение свойств человека на весь остальной мир (*дурить* 'чрезмерно расти в ущерб плодоношению', *сердитый* 'холодный, суровый (о времени года)', *ударить* 'внезапно или с силой начаться (о явлениях природы)', *цыгане* 'о чем-л. темном, потемневшем', *как пьяница в доме* 'об автомобиле, требующем постоянных расходов'), так и зеркально противоположное обозначение человека через явления природы и артефакты (*лаять* 'ругать', *как туман* 'об утрате чёткости зрения', *свето'чек* 'шутл. о посиневшем кровоподтеке', *табун* 'большая группа людей', *как мыши гнёзда навили* 'о спутавшихся волосах', *разбухнуть* 'растолстеть', *шляпа* 'о вялом, безынициативном, не способном сохранять достоинство человеке'). В реализации таких взаимообратимых моделей Л.Г. Гынгазова видит отражение мифологического способа познания мира со свойственной ему слитностью восприятия субъекта и объекта, «при котором синтетичность, целостность мыслительного процесса явно доминирует над логичностью, расчлененностью и упорядоченностью иного, дискурсивного отражения реальности» [8. С. 7–8].

Вместе с тем думается, что многие примеры, которые с позиций носителя литературного языка рассматриваются как перенос наименования из одной сферы в противопоставляемую ей другую, в народно-речевой культуре, возможно, воспринимаются иначе. О нерасчлененном или слабо расчлененном восприятии этих сфер свидетельствует использование одних и тех же образов в отношении человека и предмета (*У той Вали Ньюриной грудь отня'та, лежит, как пласт; И кабину, гыт, всю помял, и колёса отлетели. Гыт, и... всё, гыт, как пласт лежит, вся изломана [машина]; Как чёрт увозился весь [печник, разбиравший печку]!; Газ вымыть надо, баллон. А то придут и скажут: мыть надо, а он... как чёрт. Он стои'т уж о'колу году*), человека, явлений живой природы и артефактов («*Ит быка спаслась, ит барана спаслась, а баран быку не чета*»; *Может, мале'нько кото'ры спасутся огурцы? Ботва пропадать так не будет; Яишык от спасся [при пожаре], вытаишыли; Болел, сильно болел [родственник]. Он вина обпился тогда'. Я думала, он пропадёт; Две недели [кот] не был, я думала, пропал де-то, собаки разодрали; А у меня от этот [цветок] пропал, красный свёл; Аня заказывала, звонила по телефону: «Идите, холодец наваренный да всё, а то пропадёт всё у меня, испортится»; Ты часто у мамы ночуешь?; Плёночкой прикрывала да ботвой придавила, так и спали [картошки] там ночи две... Так в огороде ночевали; А у меня но'нче Елена была, в баню пошла, и из бани... в бане включила там ла'нпочку – она хоть немного... И ночевала так, день горела, и ночевала, наза'втре только [выключили]; Нап'ётся – так как ошизле'т¹. И глаз было*

¹ *Оцелеть* в вершининском говоре имеет значение 'сойти с ума'.

выкопал ей [жене], и так бьёт её, Гальку-то, ага; Она [кошка] прямо знашь, как скакала, прямо как оишэ'ле'ла! А ей кот, видно, надо было; Это, ла'нпочка одна перегорела, тут перегорела, в снях перегорела, на веранде перегорела... Ну скажи, как иишэ'ле'ли!). Нерасчлененность восприятия всего живого в сознании представителя традиционной народно-речевой культуры отражена также в необычных номинациях, используемых одновременно для обозначения действий и признаков человека и животных: *Чем кормит-то она [ребёнка]? Она, гыт, грудью соси'т'¹; А что дальше соси'ть, то больше орать будет [телёнок]. Тот и другой. Корова будет орать, и он; А Леночка вышла вза'муж, родила дочку; Коровушка сёдня у их отелилась, дочку при-несла. В связи с этим вопрос об интерпретации ряда лексико-семантических вариантов как метафорических или неметафорических с позиций носителя диалекта (Лежу от так ночью, прямо болит голова, я стона'ю так; [Жалобно мяукающему коту:] Брысь, не стона'й!; Прядёшь-прядёшь, дак е'то-то, это место пальцы пропрядёшь, кожу-то прям до мяса; Накрошит мама мясо от так из супа. <...> И вот мне казалось ши'бко вкусно; Бе'лы [картошки]. У них само' мясо-то жёлтое и др.) остается открытым².*

Таким образом, разделенные в сознании носителя литературного языка живое и неживое, человек и явления природного мира воспринимаются диалектоносителем в неразрывном единстве. Мировидение, в котором человек не противопоставлен всем формам природного макрокосма в его органических и неорганических проявлениях, сохраняет следы архаической ментальности.

Образное восприятие действительности в народно-речевой культуре последовательно проявляется и на текстовом уровне. Поскольку диалектный дискурс тяготеет к событийности [11. С. 5], характерно представление описываемой говорящим ситуации. Передается прежде всего звуковой образ ситуации. Высокочастотен рассказ в лицах, где посредством прямой речи имитируется диалог героев повествования: *Хотел ехать-то только [через реку отец], а мужик идёт. Ага. Идёт, гыт, мужик, и говорит... Ну, он гыт, «я в воду заезжаю. Он гыт: «Эй! Далёко ты, паренёк?» – «Да вот, гыт, так и так», – вернулся. «Ехать, гыт, боюсь». – «Да куды' же ты едешь, тебя ить собьёт, гыт, тут стрежью. Не дай бог, гыт, стрежь, собьёт коня твоёго, собьёт, гыт! Куда ты кидас'ся, гыт?» А он гыт: «А чё, куды' тебе надо-то?» А он гыт: «Да поехал на Откару'. Покупал, гыт, кобылу, там на Откаре', а она, гыт, ушла от меня. Да говорят, что все видели, от след тут, и всё...». Рассказчик нередко подражает интонационному рисунку, тембру и темпу голоса участников события. Изображение звуков, издаваемых человеком, животными и предметами, также способствует созданию звукового образа: *А он ула'зить не ула'зит [из погреб], ничё, стои'т, как «Ху! Ху! Душно, душно!»; Я поставила капкан. Утром прихожу, а он там «пи-пи!» Вот такой колонок здорову'чий! Ногой попал в капкан; А потом слушаю: [скребёт пальцами по дверце буфета] там, там скребутся мыши; Копала, копала**

¹ *Соси'ть* – ‘выкармливать ребёнка или детеныша животного материнским молоком’.

² Диалектные словари, создаваемые в большинстве случаев носителями литературного языка, как представляется, не всегда достоверно отражают семантическую структуру слова в сознании диалектоносителей.

там лёд [в холодильнике], а потом оттуда: фф-ссс! – как её называют? Жидкость-то эта. Вся вышла. Преобладающие звуковые образы дополняются зрительными. Могут воспроизводиться позы и жесты действующих в рассказе лиц; вербальная составляющая текста поддерживается указательными, изобразительными и размерными жестами, демонстрацией предметов, о которых идёт речь: Она вот так вот маха'т [жестикулирует, изображая односельчанку]: «Ой, нича' не получаю!»; За блинами пирог с рыбой ставят – больши' вот таки' [жест] пироги прямо; А он взял [замуж] стра'шину – нос у неё прям эдак вот [жест] сюды' загнулся; Булавкой приколю эту штору [кивок в сторону называемого предмета]; Счас я покажу тебе, како' лекарство; А Рая мне подарила, я те покажу чё. В тексте нередко наблюдается комбинирование названных средств: Это, пойдём дрова резать, с ём [односельчанином], а он это, режет, а у его чё-то свистело, это лёгки, ли чё ли так. Там: «ф'-ф'-ф-ю!» Режем, а я всё думаю: где птички поют-то? <...> Он прям нажима'т изо всёй силы, давит, силы-то много у него! Отпадёт, прям отпадёт рука – не могу резать! А он [в]станет от так от [встаёт, прислоняясь к стене] – спина-то болит тоже – он станет от так к берёзе [подражает мужскому голосу, имитирует указательные жесты]: «От, Вера Прокофьевна! От эту ешо срежем, от эту срежем...» – не дай бог.

Принцип воспроизведения звукового образа ситуации поддерживается и в метатекстах. При ответе на вопрос о значении слов и фразеологизмов диалектоносите́ль часто приводит типичное высказывание и/или фрагмент диалога с соответствующим ситуации употреблением единицы в речи: Убо'ина – это слово тако'. «У меня никакой убо'инки нет». «Была убо'ина?» – «Да была, убили мы нынче бычка или тёлочку». Вот убо'инка. Кото'ру убили скотину – убо'инка. «Есть у меня убоинка»; [Почему о человеке говорят «мо'дна пенка»?] Не знаю. Ну, кото'ра так... видать – ну девочка, например, одева'тся хорошо, да форсит так... ну как сказать? «О'споди, така', гыт, мо'дна пенка!» – это-то говорили. А так я не знаю. «Ну, мо'дна пенка! Садись, садись чай пить!» – «Нет, не хочу». – «Да садись». – «Нет, не хочу». – «Ну, кака' модна пенка-то!» Так тоже скажут. А гля чё это, пошто'? – не знаю.

Названные особенности дискурса диалектной языковой личности соотносятся с такими выделенными В.Е. Гольдиным текстообразующими факторами диалектной коммуникации, как совмещение ситуации-темы и ситуации текущего общения, изобразительность (иконичность) ([16, 11] и др.). Многие диалектологи отмечают, кроме того, значимую роль репродуктивного или изобразительного регистра повествования (по Г.А. Золотовой) либо считают его основным [11, 17, 18].

Не менее важной чертой мировидения диалектной языковой личности является его *оценочность*. По мнению многих исследователей (С.Г. Шейдаева, А. Вежбицкая, Н.В. Уфимцева, Т.В. Киселева, И.А. Стернин и др.), она является неотъемлемым свойством русской ментальности.

Оценочные элементы в лексиконе диалектоносителя весьма разнообразны. Среди них наиболее широко представлены эмоционально-оценочные. В «Полном словаре диалектной языковой личности» только узуальные экспрессивно-эмоциональные ЛСВ составляют около 15% (в контекстах проявляется еще множество ситуативных коннотаций). Словарный фонд индивида

демонстрирует широкую палитру коннотативных смыслов: ласкательное (*прохла'дка, ботви'шечка, косматенький*), уменьшительно-ласкательное (*глазёнки, вертушечка*), одобрительное (*запаши'стый* 'издающий сильный приятный запах', *аккуратист* 'экономный, бережно носящий одежду человек', *выдержанный* 'умеющий владеть собой'), почтительное (*мамонька, тя'тенька*), снисходительное (*што'ришки, свини'шка, картовчо'нки*) пренебрежительное (*махры'* 'белье, одежда', *шпингалет* 'о мужчине небольшого роста', *чалдо'н* 'неграмотный деревенский житель'), неодобрительное (*лестли'вый* 'льстивый', *сказану'ть* 'произнести что-л. неуместное', *козырять* 'хвастаться'), осудительное (*фулига'нка* 'хулиганка', *бесстыжий* 'не имеющий стыда, беззастенчивый', *ску'рвиться* 'начать изменять мужу'), шутовское (*беглянка* 'та, которая убежала, скрылась'), ироническое (*артист* 'мастер, умелец, ловкач', *барышня* 'девушка, за которой ухаживает юноша, по отношению к нему'), бранное (*подлец, гад, сволочь*) и др. Содержит оценочные компоненты и значительная часть фразеологии: *как по воде брести* 'легко, без усилий осуществлять какую-л. интеллектуальную деятельность, одобр.', *быть хитре' телёнка* 'о неудавшейся хитрости, шутол.', *два добра'* 'один хуже другого, ирон.', *пива не сварить* 'о несговорчивом человеке, неодобр.', *от горшка два вершка* 'о человеке очень низкого роста, пренебр.', *волю взять* 'начать вести себя распушенно, осуд.', *сура'зьё мясо* 'о внебрачном ребенке, бран.' и т.д. Рациональная оценка выражается лексическими единицами *хороший, плохой, худой, ху'до, хорошо, плохо, нехороший, нехорошо, ху'десенький, худя'щий, пло'хенький, плоховато, хороша'цкий* и др.

Дискурс диалектной языковой личности характеризуется широкой представленностью собственно оценочных речевых жанров [19], а также других жанров, содержащих компонент оценки. Как правило, оценочный характер носят высокочастотные у языковой личности портретные описания (*Да такой страшный был, да мокрогубый! Губы отве'шаны, большу'чи таки' то'лсты губы; Так хорошенький такой на мордочку [ребёнок]*), комментарии морально-этических качеств и поступков в рассказах о жизни односельчан и родственников (*Хороший мужичоночка. Не знаю, как там чем, кара'хтером, а так работага такой!; Гена грубоватый... грубый, чё говорить прям, не грубоватый, грубый*), потчевание гостей (*Ну уж, чашечку-то выпей. Пирожок от, ола'динку, может, поку'шайшь; Попе-ей!; Поешь пирожок-то, поешь! Вот с черёмушкой поешь пирожок, с этой поешь, с рыбкой, поешь!*), эмоционально-оценочные реакции в ответ на реплику собеседника (*Вот как благодать-то кака'!; Вот страсть-то де!; Ой, горе!*).

Оценочность метатекстовых высказываний связана с сосредоточенностью рефлексии диалектоносителя на вопросах нормативности. Здесь доминируют рационально-оценочные высказывания. Метатексты фиксируют диахроническое изменение нормы (*А у нас от только в деревне от Груша одна, Графи'да Егоровна. <...> Дак она только звала папой, а так никто' не звал в деревне папой*) и ее синхронное варьирование («Близнецы» зовут и «двойники» зовут), с одобрением отмечается следование норме (*А они так ве'жливы, хоро'ши. Всегда здороваются*), но чаще всего предметом неодобрительной оценки является нарушение языковой нормы окружающими или самим говорящим (*Мы и говорим-то неправильно, раз мы неграмотны; А ей врачи ска-*

зали, у ей эти гизлоби'ны-то, я их называю неправильно, не могу я выговорить... Как их правильно? А это, у ей чё-то мало было). В аспекте нормативности осмысление получают практически все стороны языковой системы – фонетика и грамматика, лексика и сфера речевого этикета, орфография и общие правила речевого поведения (см. подробнее [5. С. 251–283; 12]).

В целом оценочные средства идиолекта свидетельствуют о **тяготении** мировидения диалектоносителя **к эмоциональному типу оценки**, что соотносится с условиями диалектной коммуникации: как правило, это неофициальное общение хорошо знакомых людей.

Таким образом, к доминантным чертам мировидения носителя народно-речевой культуры можно отнести антропоцентричность, приоритет личного опыта, опирающегося на сенсорные впечатления, по отношению к логическим умозаключениям, конкретность, образное восприятие действительности (с особой значимостью перцептивных образных впечатлений, ощущением тесных связей человека и окружающего его мира – вплоть до их представления как нерасчлененных в сознании диалектоносителя) и, наконец, оценочность. Все они находят отражение в лексиконе, спонтанной речи и метатекстовых высказываниях диалектной языковой личности.

Поскольку диалекты являются субстратом национального языка, следы выявленных особенностей можно найти и в современных, более поздних его формах, включая и литературную разновидность. Однако то, что представлено в речевой культуре образованной страты общества фрагментарно, скрыто под слоем напластований книжной традиции, влияния других языков и культур, следов научного языкового сознания как результата систематического образования, в подчеркнуто ориентированной на традицию народно-речевой культуре проявляется наиболее последовательно и всесторонне.

Выявленные в идиолекте сибирской крестьянки черты мировидения коррелируют с данными диалектных словарей¹ и текстов², отражающих говоры различных регионов. Соотносятся они с наблюдениями диалектологов, исследующих общие закономерности русской народной речи (О.И. Блинова, Т.С. Коготкова, И.А. Осовецкий, Н.А. Лукьянова, В.М. Гольдин, О.Ю. Крючкова, С.Е. Никитина, Г.А. Раков, А.Н. Ростова, Т.А. Демешкина и мн. др.) и языковые черты ее конкретных представителей (В.П. Тимофеев, В.Д. Лютикова, Е.А. Нефедова, В.А. Малышева, Е.В. Прокофьева и др.). Можно говорить и о близости некоторых обозначенных выводов с теми, что были сдела-

¹ См., например, серию толковых и аспектных словарей среднеобских говоров («Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» под ред. В.В. Палагиной и О.И. Блиновой (Томск, 1964–1967) и дополнения к нему; «Вершининский словарь» в 7 томах под ред. О.И. Блиновой (Томск, 1998–2002); «Словарь образных слов и выражений народного говора» О.И. Блиновой, С.Э. Мартыновой, Е.А. Юриной (Томск, 2001) и др.), «Архангельский областной словарь» под ред. О.Г. Гецовой, Е.А. Нефедовой (М., 1980–2013, т. 1–15); «Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области» в 6 выпусках, гл. ред. Ф.Л. Скитова (Пермь, 1984–2011); «Диалектный словарь личности» В.П. Тимофеева (Шадринск, 1971); «Словарь диалектной личности» В.Д. Лютиковой (Тюмень, 2000); «Экспрессивный словарь диалектной личности» Е.А. Нефедовой (М., 2001) и мн. др.

² Кроме рукописных архивов записей диалектной речи, имеющихся практически во всех диалектологических центрах, следует назвать создаваемые электронные диалектные корпуса: диалектный подкорпус в Национальном корпусе русского языка, Саратовский диалектный корпус, Электронную библиотеку диалектных текстов Казанского университета, Томский диалектный корпус.

ны при монографическом исследовании концептосферы, жанровой системы, сравнительных оборотов В.П. Вершининой (Л.Г. Гынгазова, О.А. Казакова, Т.Ф. Волкова). Соотнесенность полученных на основе разных источников и подходов результатов свидетельствует о том, что реконструированные характеристики мировидения можно считать типологическими для диалектной языковой личности.

Литература

1. *Всероссийская перепись населения*. 2010. <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0491/reper01.php>. Режим доступа: свободный (дата обращения: 10.05.2014).
2. Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю. Русская диалектология: Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты: учеб. пособие. Саратов: ИЦ «Наука», 2010. 120 с.
3. Демешкина Т.А. Векторы развития современной диалектологии (в печати).
4. *Полный словарь диалектной языковой личности* / под ред. Е.В. Иванцовой: в 4 т. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006–2012.
5. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
6. Иванцова Е.В. Идиолектный словарь сравнений сибирского старожила. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 162 с.
7. Иванцова Е.В. Диалектный словарь сравнений как источник изучения языковой личности сибирского старожила // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3. Языковые аспекты регионального существования человека. Томск, 2006. С. 104–112.
8. Гынгазова Л.Г. Метафорическое миромоделирование в дискурсе языковой личности // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2010. № 1 (9). С. 7–11.
9. Гынгазова Л.Г. Языковая личность диалектоносителя в аспекте метафорической картины мира // Актуальные проблемы русской диалектологии: Тез. докл. междунар. конф., 27–28 октября 2012 г. М., 2012. С. 33–35.
10. Иванцова Е.В. Живая речь русских старожилов Сибири: сб. текстов. Томск, 2007. 104 с.
11. Гольдин В.Е. Повествование в диалектном дискурсе // Изв. Саратов. ун-та. 2009. Т. 9. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 1. С. 3–7.
12. Иванцова Е.В. Метаязыковое сознание диалектной языковой личности // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1. Кемерово; Барнаул, 2009. С. 321–356.
13. Кузнецова С.С. Ядерные глаголы, обозначающие процессы восприятия, в речи диалектной языковой личности // Вестн. Том. гос. ун-та (в печати).
14. Гынгазова Л.Г. Физическое и духовное пространство в дискурсе носителя традиционной культуры // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте. Томск, 2007. С. 78–109.
15. Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю. Текст и знание в диалектной коммуникации // Материалы и исследования по русской диалектологии. Кн. 3 (9). М., 2008. С. 398–413.
16. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: дис. ... д-ра филол. наук в виде науч. докл. Саратов, 1997. 52 с.
17. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Строение и жанровые особенности диалектного текста // Материалы и исследования по русской диалектологии. 3(9). М., 2008. С. 414–427.
18. Зорина Е.В. Электронная библиотека русских народных говоров и современные диалектологические исследования // <http://rcdl.ru/doc/2010/092-96.pdf>. Режим доступа: свободный (дата обращения: 08.06.2014).
19. Казакова О.А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2007. 200 с.

WORLDVIEW OF THE LANGUAGE PERSONALITY IN THE TRADITIONAL RUSSIAN FOLK-SPEECH CULTURE.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 4 (30), pp. 27–42. DOI 10.17223/19986645/30/3
Ivantsova Yekaterina V., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekivan-cova@yandex.ru

Keywords: language personality, folk-speech culture, worldview, vocabulary, text.

Worldview is seen as a set of attitudes of society and its individuals which determines reality perception patterns. Reconstruction of mental traits of a dialect speaker was based on the analysis of an idiolexicon, spontaneous texts and metatexts of a particular representative of the Siberian old-timer dialect.

The vocabulary and the system of figurative means (metaphors, comparisons, phraseologisms) shows the predominance of units connected with the sphere "person", which indicates the anthropocentric view of the world in the folk-speech culture. Its special case is corporeality manifested in the broad use of figurative units with a somatic component.

A broad lexical-semantic field of sensory perception and a large group of figurative elements the semantics of which includes perceptual basis prove the priority of personal experience which relies on sensory perception in the knowledge of reality. In the texts of folk-speech culture the truth is only something seen, heard, experienced. Knowledge logically derived from certain assumptions is questioned as unsubstantiated and is accompanied by markers of presumption.

Concreteness of reality perception of the dialect speaker is reflected in the asymmetry of concrete and abstract vocabulary, names of physical and psychological characteristics of the person, the prevalence of comparisons of something specific with the specific. The texts present the common themes of morality, politics, history, language through descriptions of the life and deeds of persons of the inner circle, through comments to certain words. The narrative abounds in details: names of real people, reference to their speech, indications of time and space, quantity parameters, etc.

The world is perceived through images, which is proved by the abundant lexical-phraseological units, metaphors, hyperboles based on visual or auditory images, the frequency of comparatives reflecting the proposition view of the situation through a number of compared features. The application of reciprocal models with the transfer of human properties on the rest of the world and vice versa, and the use of the same images for the living and the nonliving, human and natural phenomena shows traces of the archaic worldview, in which all aspects of the macrocosm are perceived in their indissoluble unity. On the textual level it is typical to represent a situation by sound and visual images (the story from different persons' view, imitation of speakers' pronunciation, gestures and facial expressions, sounds of living beings and objects), in metatexts it is reproduction of typical sentences with the word.

The multiplicity of expressive emotional units with a wide range of connotative meanings, speech genres containing evaluation, and metatexts which assess compliance with the norms of speech proves the evaluative character of the dialect worldview with prevalence of the emotional type of evaluation.

The identified features of the Siberian peasant's worldview correlate with the data of dialect dictionaries, corpora of texts of different regions and observations of dialectologists, which allows them to be considered as typological for the dialectal language personality.

References

1. National Census. 2010. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0491/perep_01.php. (Accessed: 10th May 2014). (In Russian).
2. Goldin V.E., Kryuchkova O.Yu. *Russkaya dialektologiya: Kommunikativnyy, kognitivnyy i lingvokul'turnyy aspekty* [Russian dialectology: communicative, cognitive and linguocultural aspects]. Saratov: Nauka Publ., 2010. 120 p.
3. Demeshkina T.A. *Vektory razvitiya sovremennoy dialektologii* [Vectors of development of modern dialectology]. (In print).
4. Ivantsova Ye.V. (ed.) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The Complete Dictionary of the Dialect Language Personality]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2006-2012. Vols. 1-4.
5. Ivantsova Ye.V. *Fenomen dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The phenomenon of the dialect language personality]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2002. 312 p.
6. Ivantsova Ye.V. *Idiolektnyy slovar' sravneniy sibirskogo starozhila* [Idiolect Dictionary of Comparisons of the Siberian Old-Timer]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2005. 162 p.

7. Ivantsova Ye.V. *Dialektnyy slovar' sravneniy kak istochnik izucheniya yazykovoy lichnosti sibirskogo starozhila* [A dialect dictionary of comparisons as a source for studying the language personality of a Siberian old-timer]. In: Demeshkina T.A. (ed.) *Aktual'nye problemy rusistiki. Vyp. 3. Yazykovye aspekty regional'nogo sushchestvovaniya cheloveka* [Topical problems of Russian Studies. Issue 3. Language aspects of regional existence of the person]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2006, pp. 104-112.
8. Gyngazova L.G. Metaphorical world modelling in the discourse of the language personality of a dialect speaker. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2010, no. 1 (9), pp. 7-11. (In Russian).
9. Gyngazova L.G. [Language personality of a dialect speaker in the metaphorical picture of the world]. *Aktual'nye problemy russkoy dialektologii. Tez. dokl. mezhdunar. konf.* [Topical problems of Russian dialectology. Proc. of the International Conference]. Moscow: IRL RAS, 2012, pp. 33-35. (In Russian).
10. Ivantsova E.V. *Zhivaya rech' russkikh starozhilov Sibiri. Sb. tekstov* [Live speech of the Russian old-timers of Siberia. A collection of texts]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2007. 104 p.
11. Goldin V.E. Povestvovanie v dialektnom diskurse [Narration in dialect discourse]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2009, vol. 9, issue 1, pp. 3-7.
12. Ivantsova E.V. *Metayazykovoe soznanie dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Metalinguistic consciousness of the dialect language personality]. In: Golev N.D. (ed.) *Obydennoe metayazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Everyday metalinguistic consciousness: the ontological and epistemological aspects]. Kemerovo – Barnaul: Altai State University Publ., 2009. Pt. 1, pp. 321-356.
13. Kuznetsova S.S. *Yadernye glagoly, oboznachayushchie protsessy vospriyatiya, v rechi dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Nuclear verbs denoting processes of perception in the speech of a dialect language personality]. (In print).
14. Gyngazova L.G. *Fizicheskoe i dukhovnoe prostranstvo v diskurse nositelya traditsionnoy kul'tury* [Physical and spiritual space in the discourse of a traditional culture representative]. In: Rezanova Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: prostranstvennyye modeli v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian world: spatial models in language and text]. Tomsk: UFO-PLUS Publ., 2007, pp. 78-109.
15. Goldin V.E., Kryuchkova O.Yu. *Tekst i znanie v dialektnoy kommunikatsii* [Text and knowledge in the dialect communication]. In: Kasatkin L.L. (ed.) *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii* [Materials and research on Russian dialectology]. Moscow: Nauka Publ., 2008. Book 3 (9), pp. 398-413.
16. Goldin V.E. *Teoreticheskie problemy kommunikativnoy dialektologii*. Dis. d-ra filol. nauk [Theoretical problems of communicative dialectology. Philology Dr. Diss.]. Saratov, 1997. 52 p.
17. Bukrinskaya I.A., Karmakova O.E. *Stroenie i zhanrovye osobennosti dialektного teksta* [The structure and genre features of the dialect text]. In: Kasatkin L.L. (ed.) *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii* [Materials and research on Russian dialectology]. Moscow: Nauka Publ., 2008. Book 3 (9), pp. 414-427.
18. Zorina E.V. *Elektronnaya biblioteka russkikh narodnykh govorov i sovremennye dialektologicheskie issledovaniya* [Electronic library of Russian folk dialects and modern research in dialectology]. Available at: <http://rcdl.ru/doc/2010/092-96.pdf>. (Accessed: 08th June 2014).
19. Kazakova O.A. *Dialektnaya yazykovaya lichnost' v zhanrovom aspekte* [Dialectal language personality in the genre aspect]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University Publ., 2007. 200 p.